

100 СЛОВ ПСИХОАНАЛИЗА

Жак АНДРЕ

COGITO
CENTRE
NT

Жак Андре
100 слов психоанализа
Серия «Библиотека психоанализа»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67568325
100 слов психоанализа: Когито-Центр; Москва; 2022
ISBN 978-5-89353-637-9*

Аннотация

Книга представляет в утонченном, но в то же время строгом стиле, отвечающем клиническим и культурным критериям, главные понятия психоанализа.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Аддикция	5
Амбивалентность	7
Анальный (анальность)	8
Анорексия (булимия)	10
Аутоэротизм	13
Аффект	14
Бессознательное	15
Бисексуальность	16
Брат, сестра	18
Булимия	20
Власть (захват, влечение к)	21
Влечение	22
Влечение к смерти	24
Возбуждение	26
Возвращение в материнскую утробу (сон)	27
Воспоминание – экран	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Жак Андре

100 слов психоанализа

Jacques ANDRÉ

LES 100

MOTS DE LA PSYCHANALYSE

© Presses Universitaires de France/Humansis, Les 100 mots
de la psychanalyse, 2009

© Когито-Центр, 2022

Аддикция

Уже само происхождение этого слова напоминает о зависимости, о теле, находящемся в рабстве обязанностей, с той отличительной особенностью, что раб и повелитель живут на этот раз вместе. Пить, есть, курить, летать, расслабляться... список аддикций рискует расшириться до такой степени, что может смешаться с «нездоровыми привычками», когда от них невозможно будет избавиться, даже если они дорогостоящи и разрушительны. Похоже, что уже ничего в аддикции не отличает желание от нужды, причем от самой примитивной нужды. Однако потребность, если она жизненно важная, витальная, характеризуется тем, что она проходит сразу же после получения удовлетворения, в то время как бутылка алкоголика и желудок больного булимией становятся бездонными колодцами. Аддикция – это скорее *настоящая потребность*, а не нужда. Первоначальный смысл слова *требовать* фискальный: настоятельно требовать принадлежащее по праву, то, что положено. Потребность при аддикции настойчива и претенциозна, она никогда не уменьшается; вместо убывания по мере удовлетворения она лишь еще больше возрастает. Тираническая и ненасытная, потребность превращает желания в приказы. Но кто отдает эти приказы? Может показаться, что тело – клетка, жаждущая утолить потребность, к примеру, в никотине. На самом деле бес-

сознательное является настоящим повелителем, когда переполнено тревогой или возбуждением. Возможно также, что первоначальным источником всех аддикций является зависимость от другого, которая настолько требовательна к его присутствию, насколько неизбежны бесконечные разочарования в нем, зависимость, которая заставляет нас бесконечно повторять: «Любишь ли ты меня? Любишь ли ты меня?».

Амбивалентность

Совсем не обязательно искать в психоанализе объяснение того, что одно и то же лицо может быть поочередно то объектом любви, то объектом ненависти. Как только стали появляться трагедии, в них уже засквозили идеи, что самые любимые из нас могут однажды вдруг стать объектом той ненависти. *Амбивалентность*, однако, имеет отношение к чему-то еще более несовместимому: любовь не только может превратиться в ненависть и наоборот, но и доходит до того, что любовь и ненависть, тайно пересекаясь, *перевоплощаются* из одного в другое, причем совершенно неразделимым образом. Нередко взрослые способствуют этому, сводя с ума своих отпрысков, задавая им вопросы: «Ты кого предпочитаешь: маму или папу?». Ненависть таится в самой сердцевине любви и, соответственно, в отрицании противоречия. Хорошая грудь, любимая грудь есть также и нехорошая, нелюбимая грудь; для этого ей достаточно всего лишь отдалиться (отсутствующая грудь автоматически становится плохой). Случается, что речь с ее двусмысленностью может выразить амбивалентность весьма утонченным образом. Например: «Я не желаю тебе ничего, кроме добра...».

Анальный (анальность)

«Мало того, что проявления нежности детей замарали словом „сексуальность“, так еще и саму сексуальность запачкали, да еще и возмутительным образом, ссылкой на анальность» (Лу Андреа-Саломе). Место, которое занимает анальность в эротической и психической жизни человека, не преминули тут же использовать для того, чтобы публично дискредитировать представления о психоанализе. «Нечто анальное» может спонтанно стать объектом отвращения, неизвестного животному миру – это само по себе указывает на присутствие чего-то бессознательного, неприемлемого.

Частота такого банального симптома, как запор, который может приобрести хроническую форму, является самым верным свидетельством давления анальности на психическую жизнь, ее способности брать ответственность за психический конфликт. Анальная зона занимает привилегированное место в отношениях между взрослым и самым маленьким ребенком, даже в тех случаях, когда его приучение к чистоте не становится повседневной дрессировкой. Дефекация должна происходить в определенное время; фекальный комочек является первым подарком, преподнесенным ребенком своей матери. По крайней мере, от него не отказываются; это потеря, закаляющая характер: упрямый, аккуратный,

экономный – эти черты чаще всего ассоциируются между собой, создают «мораль сфинктеров». Ничего не оставлять, ничего не уступать...

Если психический конфликт с удовольствием использует ресурсы анальности, то лишь потому, что анальность сама конфликтна по своей сути: выделение/удержание, уничтожение/сохранение, или обладание. Первое движение легко ассоциируется с активностью или садизмом; второе ассоциируется с пассивностью и мазохизмом. Можно предугадать, что пара из ненависти^{*1} (деструктивной) и любви^{*} (обладающей) заимствует у анального эротизма одну из своих модальностей.

Вытеснение^{*}, сублимация^{*} анального эротизма принимает многообразные формы благодаря смещению снизу вверх, когда рот путают с анусом, когда слово становится грубым, грязным, а юмор – «скабресным». При этом осуществляется переход от транспозиции к ее противоположности, когда самое грязное, самое презируемое становится самым ценным: гениальный алхимик – анальная метаморфоза дерьма, которое превращается в золото.

¹ Звездочка (*), помещенная справа от слова в тексте, означает, что данный термин раскрывается в отдельном параграфе.

Анорексия (булимия)

Представим себе грудного младенца нескольких месяцев от роду, отвергающего любую пищу, отказывающегося от любого глотка и поглощения, как если бы питаться для него было бы куда опаснее, чем ничего не поглощать/инкорпорировать. Все похоже на то, будто бы страдающий анорексией грудной младенец ведет себя так, как описывают в книгах по психоаналитической теории! Согласно этой теории, младенец подозревает, что грудь, молоко, кроме благотворного продукта, содержит еще что-то, совсем другое: страсть, ненависть^{*}, тревогу^{*}... Парадоксально, но в подобной ситуации отказ от поглощения становится для него жизненно важным. В таком раннем возрасте, когда психика ребенка и психика взрослого еще слабо отделены друг от друга, выздоровление может произойти «волшебным» образом: достаточно постороннему чуткому уху уловить материнскую тревогу и успокоить ее, после чего цикл кормления восстановится.

Анорексия в грудном возрасте не обходит стороной мальчиков, особенно во время их отнятия от груди, однако анорексия подросткового или зрелого возраста почти всегда женская. В этом и состоит ее загадка. Правильнее было бы использовать множественное число – «анорексии», так как этот синдром встречается при самых разных патологических

картинах: от истерического невроза до самых тяжелых психотических форм. Случается, что анорексия приводит к летальному исходу.

В наше время анорексия рассматривается как дань моде с ее тощими стандартами, хотя она была описана еще в давние времена (например, Авиценной в XI в.), когда предпочтение отдавалось женщинам с пышными формами. Истерическая форма самая безопасная; она неразрывно связана с неприемлемыми сексуальными репрезентациями, смещенными от генитальной зоны к оральной, т. е. снизу вверх, и вызывающими отвращение. Одна из самых опасных форм анорексии появляется в период пубертата, она приводит к отставанию в развитии, задержке и остановке роста, аменорее, чрезмерной худобе... Всё это сопровождается отрицанием болезни, гордостью от собственной худобы и вызовом, брошенным окружению. Схема анорексия-булимия часто встречается вместе с сопровождающими ее практиками: вызыванием рвоты, использованием слабительных... У больных анорексией есть своя святая, Катерина де Сиен-на, которая боролась с собственным телом* до самой смерти. Трудно найти более показательный пример насилия над психикой с проявлением такого крайнего экстремизма.

«Я живу в своей анорексии вместе с матерью», – заявляет одна пациентка. Тревога вторжения, интрузии, сепарации, связанная с самыми ранними отношениями «мать—дочь»*, определяют клиническую картину, даже когда инцестуозный

фантазм приобщает к симптому отца.

Остается загадка женственности. Из-за нарциссической тревоги * вторжения, угрожающей границам Я *, либидинальный страх пенетрации превращает другого в насильника, путаются регистры, как если бы у больной анорексией женственность осталась примитивной, ассоциированной с картиной взлома. Это вынуждает держать закрытыми все двери.

Аутоэротизм

Мастурбация парадоксальна, ибо мы видим в ней всего лишь одностороннее удовольствие органа, преследующее только цель разрядки, и не пытаемся хоть в какой-то степени раскрыть, что такое «аутоэротизм». Другой, более тонкой и более загадочной формой его демонстрации является создание шутки, когда эротизм падает на речь и играет с языком. Ни в коем случае нельзя говорить ни о каком аутоэротизме, если тело не чувствует возбуждения. И все же это никак не меняет психическую природу возбуждения; тело всегда отвечает фантазму^{*}, бессознательному или сознательному.

Первые движения аутоэротизма раскрывают нам его строение, структуру: лишенные удовольствия, сопровождающего сосание груди, губы сосут, целуют сами себя, не зная, какой груди отдаться. Аутоэротизм ищет утерянное удовольствие, воссоздает его, мультиплицирует. И, что удивительнее всего, гений инфантильной сексуальности^{*} превращает пережитый им опыт неудовольствия в форму удовольствия: мать ушла; чтобы справиться с этим, ребенок бросает свою катушку и тянет веревочку, заставляя таким образом мать появиться вновь; он играет, наслаждаясь уходом/возвращением матери, *fort/da*. Одна катушка потеряна, десять катушек найдено.

Аффект

См. Тревога, Ложная самость, Психосоматика, Вытеснение

Бессознательное

См. Самость

Бисексуальность

«Я имею обыкновение представлять себе сексуальный акт как явление, в котором участвуют четыре человека» (Фрейд). Не столько сам коитус, который ничем не обязан человеческой изобретательности, сколько прелюдия к коитусу, эта игра сексуальности, умножающая отверстия и аппендиксы, применяющая то активность, то пассивность, предварительные ласки посредством «объятий, нежности, укусов, надавливаний», стирающих границы между двумя партнерами (Ференци), показывает человеческую бисексуальность. И вот результат: зритель, ребенок, возбужденный фантазмом первосцены^{*}, идентифицируется как с одним, так и с другим партнером, как с матерью, так и с отцом.

Свидетельнице полиморфизма инфантильной сексуальности, бисексуальности трудно долгое время сохранять равновесие. Пол тяготеет в одну или другую сторону – и вовсе не обязательно в анатомическую, желание *идентичности* вызывает к своим правам вплоть до необузданного отвержения покинутой стороны. Если сама бисексуальность не становится средством защиты, то способом отвержения кастрации^{*} становится «секторизация», почему лишь один пол, а не оба? Иногда девушка-подросток, колеблющаяся между выбором надеть юбку или брюки, отказывается принимать однознач-

ное решение, надевая одно поверх другого. Надеется ли она, что паритет продержится до любовной реализации? Бисексуальность, безусловно, более доступна женщинам, чем мужчинам: две женщины смело делят одну и ту же ванную комнату, мужчин же для этого должно быть, по крайней мере, одиннадцать, целая футбольная команда.

Без психической бисексуальности психоанализ невозможен, ибо именно она позволяет аналитику путешествовать от одного пола к другому, например, быть мужчиной и перевоплощаться в переносе в женщину (женственную или фаллическую), состоящую в гомосексуальных отношениях.

Брат, сестра

«Тело ее брата с такой нежностью, так ласково прижималось к ее телу, что она чувствовала себя отдыхающей в нем, так же, как он чувствовал себя отдыхающим в ней» (Мюзиль). Так как отношения между братьями, сестрами или между братом и сестрой представляют собой первое *смещение* отношений с первичными объектами *, матерью и отцом, они с легкостью выдают, иногда во всей своей простоте, любовь и ненависть, скрытые фантазмы, инцест * и преступление. «Мало того, что он мой брат, к тому же я должна любить его...»

Жизнь взрослых носит следы тех страстей, которые были в детстве, например, у людей, избегающих поцелуев: Леа может коснуться своего горячо любимого брата только кончиками губ, Элен отворачивает лицо, когда к ней приближается тот, кто был для нее когда-то безжалостным тираном.

Братская связь находит в социальной (*socius*, «компаньон») жизни «естественный» дериват. Брат, прежде чем стать символическим, является, по меньшей мере, объектом страсти, когда историческая сцена попадает во власть влечений. *Братство или смерть!* Французская революция с готовностью злоупотребила этим девизом и его дилеммой. Первичный и манифестный смысл является *идеальным*, при-

нимается отказ от личной жизни, подчинение конечной цели, составляющей человеческую суть. Во вторичном смысле, подчеркнутым Шамфором, формула превращается в «или ты мне брат, или я убью тебя!». Жиронда потеряла голову. Но в третьем смысле, более бессознательном, секира проходит между братьями и кромсает *«не на живот, а на смерть»*. Это проявилось в апогее террора, когда Робеспьер и Сен-Жюст отправляют Дантона и Камилла, особенно Камилла (Демулена) на гильотину. *«Стань моим братом, чтобы я смогла тебя убить...»*

Булимия

См. Анорексия, Влечение

Власть (захват, влечение к)

«У мальчика предпочтение руки во время мастурбации указывает на то, насколько значительный вклад позже внесет в мужскую сексуальность влечение к власти» (Фрейд). Рука на пенисе, рука на половом органе предвосхищает ситуацию владения объектом, контроля над ним. В рамках человеческой сексуальности удерживается то, что осталось от мускулов, что-то от вида и его баланса сил, которые сопротивлялись бы инфантильному и полиморфному изобретению сексуальной жизни, то, что меняет объекты, выбор, цели, позиции... Стать хозяином и властелином природы, в первую очередь обладателем женщины! Сама природа создает обстоятельства, позволяющие мужчине обратиться к своему виду, когда кастрация^{*} и тревога угрожают ему. С момента, когда он читает в глазах своей партнерши жгучее желание, объектом которого является он сам, Шарль всегда приходил в нерешительность: «Было бы намного легче, если время от времени она бы говорила: «О, нет! О, нет!»».

Влечение

«Мы пьем, не чувствуя жажды, и занимаемся любовью, когда нам угодно, только это, мадам, отличает нас от других животных» (Бомарше). Правда в том, что влечение сохранило неудержимую силу инстинкта, но все остальные определения влечения касаются именно того, чем влечение отличается от инстинкта. Инстинкт является характеристикой врожденного поведения, обусловленного генетически, общего для определенного вида, как, например, инстинкт медоносных пчел или перелетных птиц. Осталось ли еще у человека хоть что-то инстинктивное? Может быть, голод в ситуациях крайней нищеты, потому, что в остальном... возбуждение рафинированного гурмана, отказ от еды больного анорексией^{*}, а также ненасытность больного булимией^{*} указывают не на инстинктивные проявления, а на неудачные попытки адаптации к ситуации нужды. Приступ булимии, его необузданность, насильственность – яркая иллюстрация того, что происходит с влечением, когда речь идет не о потребности в еде, а о заполнении пустоты, именно пустоты тела^{*}, которое фантазм^{*} и тревога^{*} сделали похожим на бочку Данаид.

Все начинается с сексуального инстинкта. Кроме специфического эндокринного состояния, благоприятного для ре-

продуктивности, являющегося фертильным периодом после овуляции, течи, мы не замечаем у самок млекопитающих никакой сексуальной активности. У всех, за исключением одной... – людской. Женщина и мужчина занимаются любовью в любой период, и не всегда вдвоем. Человеческая сексуальность потеряла не только компас, ориентирующий ее на воспроизведение, в поисках удовольствия она заразилась стремлением к получению удовольствия от любого действия, начиная с потребления еды и утоления жажды. Влечение дублирует инстинкт только для того, чтобы использовать его не по назначению. Инстинктивная потребность всегда «знает», что именно необходимо человеку в данный момент, в то время как «что-то из природы влечения, наоборот, противится полному удовлетворению» (Фрейд). Всегда не хватает, никогда не заканчивается. Никакие другие биологические тела не демонстрируют столько безумия. Требуется вмешательство фантазма* с условием, чтобы его не перепутали с простой фантазией. Фантазм как вросший ноготь; он вдавлен в плоть, трепещущую при одном упоминании о нем.

Влечение к смерти

Чего желает тот, кто не хочет излечиться, кто не хочет меняться, кто навязчиво повторяет свои травмы только ради самого их повторения, кто разрушает то, что было только что построено с таким непомерным трудом, кто больше не получает никакого удовольствия ни от чего, даже от разрушения и страдания, кто остается равнодушным к отчаянию человека, оказавшегося неспособным ему помочь? Чего желает тот, для кого цель – *ничто*?

Ненависть^{*}, агрессивность, разрушающий гнев как нельзя лучше пристраиваются к функции удовольствия, даже если человек этого не ощущает. Перечисленные аффекты обладают особенной способностью, разрушать преимущественно другого, выводить смерть наружу, тогда как влечение к смерти является, по сути, влечением *к собственной смерти*. Оно становится черной стороной нарциссизма^{*}, когда безмерная любовь к себе переворачивается обратной стороной, оно появляется, когда любовь к себе съезживается до полного исчезновения. Похоже, лишь *подъем* психической жизни, становится тогда главным противником влечения к смерти. Не идет ли речь о последнем слове Эроса? От Кьеркегора до Беккета философы и писатели сумели создать эстетику отчаяния; яркий пример – роман Бальзака «Шагреновая кожа»...

Именно эту книгу выбрал Фрейд, пожелав иметь ее при себе в последние минуты жизни: «Это именно то, что мне было надобно, книга, которая „говорит“, съеживаясь до тех пор, пока не исчезает полностью».

Возбуждение

См. Аутоэротизм, Тело, Мазохизм, Оральный

Возвращение в материнскую утробу (сон)

Благодаря сну мы погружаемся в состояние, в котором пребывали до появления на свет, восстанавливаем ощущения пребывания в материнской утробе. Мы создаем себе сходные с существовавшими там условия: тепло, полумрак, отсутствие стимулов. Одни из нас скручиваются во время сна, складываясь в маленький комочек и выбирают положение тела *, подобное внутриутробному. «Мир не владеет нами полностью, треть нашей жизни (период сна) *мы пребываем в таком состоянии, как будто еще не появились на свет*» (Фрейд). Чем глубже сон, чем меньше во время сна сновидений и чем больше постель напоминает «сладкое гнездо», тем больше он показывает стремление к исполнению желания возвращения в утробу матери. Является ли этот фантазм нарциссическим (учитывая сферическое замыкание тела и психики в самих себе) или инцестуозным (обновляя радость возвращения в родное гнездо)? Так отменяются различия, смешиваются удовольствия, как если бы Я* уснуло, а балом правило бы Оно*, в котором отсутствуют какие-либо различия. Восстановление первоначального нарциссизма и возвращение к симбиотическим отношениям с первичной матерью составляют единое целое.

За очаровательной картинкой рекламных видов с Сейшельских и Багамских островов и других «теплых морей» находится фантазм^{*}, обещающий рай, однако нужно отметить, что радость внутриутробной жизни может быть лишь ретроспективной. Под черным солнцем депрессии^{*} этот же фантазм опасно приближает «сон» к «вечному сну», живот к гробу; мы сталкиваемся с парадоксом фантазма, исполнение которого привело бы к уничтожению самой фантазматической жизни и любой психической жизни. Спать, вечно спать...

Воспоминание – экран

«Все наши воспоминания, в особенности самые дорогие нашему сердцу, будь они связаны с радостью или со страданием, с ранами/обидами или блаженством, которые питают нашу ностальгию или горечь, – все они сохраняются только потому, что защищают наши чувства непрерывности и личной идентичности; все они являются экранами. И это не потому, что они скрывают предыдущие воспоминания, а потому, что в своем статусе маленьких сцен, картин, вызывающих к памяти, они и содержат в себе, и диссимулируют их, являясь для *мнестических следов* и экраном, и футляром» (Понталис). Голубой цвет платья, запах еды, доносящийся с кухни, кусочек стены, покрытый желтыми обоями... столько деталей, вызывающих чувственный отклик, настолько ярких, живых, насколько «незначительных», содержащих в конденсированном виде и без нашего ведома суть детства, как в картине мастера во второстепенной детали может таиться самое интимное подтверждение его почерка. Экран скрывает то, что показывает, например, вытесненное^{*}, которое в нашей памяти является и недоступной, и самой живой частью. Наши воспоминания в меньшей степени *из* детства, скорее *о* детстве; в них фантазм^{*} смешивается с реальными данными, «они возникли

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.